

ЭКСПОРТ ДЖИХАДИЗМА НА СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА¹

И.В. Пащенко

Аннотация. Предметом исследования выступил феномен джихадизма, который рассматривается с одной стороны как понятийная конструкция, а с другой как реальный процесс, протекающий на территории Северного Кавказа. Основная идея данной статьи заключается в том, что только с 90-х годов XX века Северный Кавказ можно рассматривать как полигон распространения джихадистской идеологии, в основе которой лежит идея построения с помощью вооруженной борьбы «исламского государства» в общемировом масштабе. Именно в это время региональный исламистский проект был постепенно заменен проектом глобальным, чему способствовали зарубежные идеологи и эмиссары.

Ключевые слова: исламизм, джихадизм, газават, джихад, Северный Кавказ, Чеченская Республика Ичкерия, Имарат Кавказ, Аль-Каида.

Пащенко Ирина Владимировна, кандидат философских наук, заведующая лабораторией проблем Северного Кавказа Южного научного центра РАН, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41, pashchenkoirina@gmail.com.

---

¹ Работа выполнена в рамках реализации Государственного задания ФАНО России на 2017 г. по проведению фундаментальных научных исследований «Конфликтологические прогнозы и сценарии Юга России» (№ 0260-2014-0005).

EXPORT OF JIHADISM TO THE NORTH CAUCASUS: TO THE HISTORY OF THE QUESTION

I.V. Pashchenko

Abstract. The subject of the study is the phenomenon of jihadism, which is reviewed as a conceptual model, on the one hand, and as a real process occurring in the territory of the North Caucasus, on the other hand. The main idea of this article lies in the fact that only from 1990s the North Caucasus can be considered as a polygon for spreading the jihadist ideology, which is based on the idea of building an «Islamic state» with the help of military struggle on the worldwide scale. At this particular time the regional Islamist project was gradually replaced by a global project, which was supported by foreign ideologists and emissaries.

Keywords: Islamism, jihadism, jihad, the North Caucasus, The Chechen Republic of Ichkeria, The Caucasus Emirate, Al-Qaeda.

Рубеж XX–XXI вв. стал временем беспрецедентного проявления религиозно мотивированных сопротивлений и противостояний. Причем эти процессы стали развиваться после достаточно длительного периода, связанного с развитием атеистических представлений и концепций о повсеместном уходе религии, как социального феномена, в историю. События в Палестине, Ираке, Афганистане, а также в США в 2001 г. стали временем распространения «джихадизма», как идеологического течения, объединяющего деятельность террористических организаций в трансграничную сеть. Анализ этого феномена достаточно сложен, так как в большинстве случаев исследования фрагментарны, а комментарии и высказывания, не раскрывающие сути явления, имеют оценочный характер.

Основная масса исследователей зачастую отождествляет понятия «джихадизм» и «исланизм». Под исланизмом принято понимать «теорию и практику политических движений, ставящих перед собой цели приведения общественного и государственного устройства в тех странах, где живут мусульмане, в соответствии с установлениями Ислама» [Игнатенко, 2004, с. 67]. Исланизм зачастую пытаются представить, как некий политический режим, но на протяжении XX–XXI вв. примерами такого устройства могут выступить только Иран после 1974 г. и Исламский эмират Афганистан (1996–2001 гг.). В основном идет речь об исламистских партиях и движениях, целью которых является создание теократического государства (*«Братья-мусульмане» в Египте, «Джамаат-и-Ислами» в Пакистане, «Хезболла» в Ливане, ХАМАС в Палестине и др.*). Исланизм есть разновидность идеологии, которая призывает к реставрации исламских ценностей; предлагает устройство общества, основанного на законах шариата; культивирует идею джихада [Малашенко, 2006, с. 48]. В исланизме выделяю два основных направления – умеренное и радикальное. Основатель умеренного направления А. Маудуди – политический идеолог, считавший, что особое значение нужно придавать образованию в духе Корана и сунны, пропаганде исламской доктрины, т. е. исключая насильственные средства. Главным теоретиком радикального направления исламизма и фундаменталистской концепции джихада выступал С. Кутб. И А. Маудуди, и С. Кутб основывали свои взгляды на идею джихада. Но если А. Маудуди джихад объявляет как мирное средство борьбы с джахилией (невежество), то С. Кутб призывал объявить джихад против современности, т. к. все, что наполняет наш мир – ощущения, верования, культура, искусство, литература, законы и пр. – все это джахилия. Потому и нужно вернуться к основам ислама, его чистоте периода пророка Мухаммеда [Семедов, 2009].

Исламизм, как практическая деятельность, подвергается анализу со стороны известного российского исламоведа А.В. Малашенко, который различает четыре уровня – локальный, национальный, региональный и глобальный. На первом уровне происходит исламизация местности – деревни, сельского района, городка или отдельного района мегаполиса. На втором – исламисты заявляют о претензиях на власть в масштабах одного государства. Ожесточенная борьба за национальное исламское государство велась и ведется в Алжире, Афганистане, Судане, Иране,

Пакистане, Узбекистане, Турции, Йемене, Малайзии и многих арабских странах. Региональный уровень практически не заметен в мировой политике и характеризуется объединением государств или исламистских группировок в трансграничный халифат. В 1990–2000 гг. он ассоциировался преимущественно с деятельностью «Хизб ат-Тахрир аль-ислами», руководители которой призывают к созданию в Ферганской долине трансграничного халифата. Глобальный же уровень это некое идейное братство – конфедерация, структура нестабильная, но имеющая общее пространство для распространения идей и решения проблем, стоящих перед общемировой исламистской общиной. Для всех этих уровней глобальная задача одна – установление исламского государства и формирование исламского общества [Петрухина, 2011].

Справедливо в первую очередь то, что это явление, появившееся в XXI в., выступает продуктом глоболизирующегося общества. Так А.А. Ярлыкапов отмечает, что мусульмане всего мира постепенно вступают в эпоху «исламской глобализации». Общими чертами этого процесса выступают стремление выйти за пределы деления ислама на течения и толки; поиск универсального, «идеального» ислама, который бы объединил всю мусульманскую умму. Универсальный ислам, по мнению идеологов исламского «глобализма», существует – его лишь надо отделить от позднейших наслоений. Их версия ислама проста – достаточно основываться на Коране и Сунне. Переход на сетевую форму организации и деятельности помогает распространению и продвижению идей такого характера в самые разные сообщества [Ярлыкапов, 2013, с. 134].

Идеологические же основы «джихадизма» заложил соратник Бен Ладена – Абдуллах Аззам. В своих трудах он разработал ключевое положение джихадизма – пока остается оккупированным хоть клочок мусульманской земли (даруль-ислам), личное участие в войне является безусловной обязанностью каждого мусульманина, кроме детей, немощных женщин и стариков. Личное участие в войне стало обязанностью каждого мусульманина (фард-айн) с того момента, как пала исламская Андалусия и будет таковой, пока она и все остальные земли, когда либо бывшие исламскими, вновь не станут таковыми [Кадырова, 2015]. Последующие поколения джихадистов развили идеи С. Кутба в сторону такфира – отлучения от ислама с дозволением убийства отлучаемых. Если все господствующие в мусульманских странах режимы объявлялись режимами неверия, то и любое соучастие в них объявлялось неверием. Доктрина такфира дополнила идеи джихадизма. В итоге джихад с вероотступниками в мусульманских странах объявлялся такой же личной обязанностью каждого, как и джихад против внешних агрессоров [Яшин, 2008, с. 88]. Значительная часть исламских богословов объясняет джихад в двух формах: джихад аль-акбар (великий джихад) и джихад аль-асгар (меньший джихад). Великий джихад – это та борьба, которую каждый ведет с собой ради того, чтобы не поддаться греху, улучшить самого себя и жить исламским образом жизни. Меньший джихад – внешнее проявление веры, защита ислама от внешней агрессии [Сиккоев, 2011, с. 114].

При разграничении понятий «ислаимзм» и «джихадизм» необходимо учитывать, что политическое течение, ориентированное на бескомпромиссную вооруженную борьбу можно назвать джихадизмом, и соотносятся эти два понятия как родовое и видовое понятие, если ислаимзм – теоретико-стратегический проект по построению исламского государства, то джихадизм – практико-тактический проект. В упрощенном виде получается, что «ислаимзм» говорит, на каких основах строится это общество и как может функционировать, а «джихадизм» лишь указывает наиболее эффективное средство достижения этой цели. Сейчас джихадистские группировки действуют практически во всех уголках исламского мира.

Ячейки «транснационального джихадистского движения» выступают с одной стороны как качественно новое явление, но в структурном плане ничего нового они не привнесли, продолжая по сути тенденции, заложенные этнонационалистическими террористическими организациями предшествующих десятилетий.

Первым джихадистским проектом в Российской Федерации регионального характера выступил Имарат Кавказ, действовавший на Северном Кавказе с 2007 г. К настоящему моменту он нашел свое завершение в постепенной трансформации в транснациональный проект Исламского государства. Хотя практики построения исламского государства в пределах этой территории действовали, начиная с XIX в. В это время получило распространение движение за имамат, которое ограничивалось местными географическими рамками (так называемый «локальный халифат», во главе со своими имамами). В 1785 г. Имам Мансур впервые призвал горцев к священной войне (джихаду) против иноверцев. Движение северокавказских мюридов под предводительством дагестанских имамов (Гази-Мухаммад, Гамзатбек и Шамиль), начавшееся в 1813 г., было основано на призыве суфийского шейха Мухаммада аль-Йараги к газавату – священной войне [Ханбабаев, 1998]. Во всех призывах этого периода основополагающей выступает идея газавата – вооруженной борьбы, выступающая в качестве политического лозунга и точно определяющая стратегию достижения идеального исламского государства, при этом газават объявлялся лидерами протестных движений, в то время как джихад мог быть объявлен только руководителем государства и поэтому на тот момент таких прецедентов не мог быть.

Спустя почти два века – в 1990–2000-х гг., на Северном Кавказе вернулись к практике построения исламского государства, центральным понятием которой выступила уже идея вооруженной борьбы – «джихада». Хотя было немало случаев обращения к идее газавата: в 1992 г. в интервью на местном телевидении Д. Дудаев заявил о готовности идти на крайние меры – «газават до последнего чеченца» [Гродненский, 2004, с. 15]; в 1995 г. в Дагестане распространялись листовки с призывами к газавату; в 1999 г. на территории нескольких районов Дагестана начал вещание телевизионный канал «Шура», по которому передавались призывы к газавату; согласно указу А. Масхадова 1999 г., «всем религиозным деятелям республики предложено объявить о начале священной войны газават» [Осмаев, 2009]. В 1998–1999 гг. на территории Чеченской Республики и Дагестана получили

широкое распространение книги М. Тагаева «Наша борьба, или Повстанческая армия имама» и «Газават, или как стать бессмертным», где было дано обоснование насилия как единственного способа установления истинно исламской власти. Еще раньше именно лозунг «мы против всех, за построение исламского государства» был главной идеей Исламской организации освобождения (силы Халида Ибн-аль-Валида), захватившей в качестве заложников четырех советских граждан в Бейруте 30 сентября 1985 г.

Всплеск исламистского джихадистского движения связан с целым рядом факторов, одним из которых выступает проникновение ваххабитских и салафитско-джихадистских идей из стран Ближнего Востока.

Согласно утверждению шизалийского шейха Саида Афанди Чиркейского, первым очагом ваххабизма на Северном Кавказе был Дагестан, а проводником подобных идей – Али Каяев (Замирали), известный дагестанский мусульманский богослов [Саид-Афанди аль-Чиркави, 2003, с. 99]. В.О. Бобровников также считает, что первый всплеск исламизма на Северном Кавказе был именно в Дагестане в конце 1970-х гг. и «центрами движения были Кокрек, Нечаевка, Ново-Сиситли, Ясная Поляна и другие смешанные аваро-даргино-кумыкские селения Терско-Сулакской низменности Дагестана» [Бобровников, 2001, с. 82]. По словам В.О. Бобровникова, именно здесь возникли первые нелегальные мусульманские школы (медресе), которые будучи организованными дагестанскими учеными-алимами, проводили духовно-просветительскую и миссионерскую работу. В это время в массовых тиражах издавалась литература современных религиозных фундаменталистов – С. Кутба, Ф. Якана, М. Зину, А. Дидата и др., а также дагестанского религиозного радикала Багаутдина Кебедова. Начиная с 1992 г. издательство «Сантлада», организованное Б. Кебедовым, в Москве печатала массовым тиражом труды представителя исламского фундаменталиста, пакистанца Абу Аля ал-Мауди. Это такие труды, как «Ислам сегодня», «Образ жизни в исламе», «Основы ислама». В текстах дается наиболее целостное обоснование концепции джихада. Среди организаций, осуществлявших активное финансирование деятельности Кебедова, были Фонд «Аль-Харамейн», организации «Аль-Игаса аль-исламия», «Тайба», Всемирная ассамблея исламской молодежи и др.

В это время вспыхнула вооруженная борьба на территории Чеченской Республики, которая началась как борьба за независимость и эволюционировала в джихад на локальном уровне. Первый руководитель независимой Чечни Д. Дудаев с 1994 г. начинает обращаться к идее джихада, для получения поддержки со стороны всего мусульманского мира. Именно во время первой Чеченской военной кампании 1994–1996 гг. в составе чеченских вооруженных формирований был создан так называемый исламский батальон – «Джамаат». Возглавлял его Фатх аш-Шашани и основную массу составляли выходцы из стран Ближнего Востока. Согласно Фатх аш-Шашани, вооруженное сопротивление федеральным войскам в Чечне есть «священная война». Воины «Джамаата» получали щедрую помощь от иностранных спонсоров, они были на порядок лучше вооружены и экипированы. Этот исламский

батальон был самым боеспособным и дисциплинированным вооруженным формированием. В подчинении у Фатхи находился среди прочих и Хабиб Абд аль-Рахман Хаттаб. После окончания военной кампании Хаттаб создал в районе населенного пункта Сержень-Юрт Шалинского района Чечни учебный центр – «Исламский институт Кавказа», который многие исследователи называют филиалом международной террористической организации «Братья-мусульмане». Семь учебных лагерей носили имена пакистанцев-инструкторов. В Центральном, которым руководил непосредственно Хаттаб, обучались около ста иностранных наемников и несколько особо отличившихся чеченцев. «Абуджафар-лагерь» делал упор на обучение методам ведения партизанской войны, «Якуб-лагерь» специализировался на освоении тяжелого вооружения. В «Абубакар-лагере» растили диверсантов. «Давгат-лагерь» готовил кадры идеологов, пропагандистов. Одновременно в семи лагерях обучалось около двух тысяч человек [Трошев, 2001].

Хаттаб большое внимание уделял и пропагандистской работе, записывая огромное количество видеокассет, чтобы, с одной стороны, позиционировать войну в Чечне как один из очагов всемирной борьбы ислама против неверия, с другой стороны, для привлечения дополнительных финансовых средств и людских ресурсов на Северный Кавказ. Эти записи распространялись как на Западе, так и на Ближнем Востоке. Во Всемирной сети была широко распространена информация о возможности участия в вооруженной борьбе на Северном Кавказе, как посредством вступления в отряды исламистов, так и с помощью перечисления денежных средств, необходимых для продолжения джихада. Эти материалы многократно были использованы Бен Ладеном для идентификации вооруженной борьбы на территории Чеченской Республики как элемент глобальной войны за торжество ислама во всем мире. В 1995 г. член «Аль-Каиды» суданец Джамаль аль-Фадль в ходе следствия дал показания о том, что Бен Ладен всем желающим отправиться воевать в Чечню выдавал 1500 долларов на покупку автомата Калашникова и транспортные расходы [Corbin, 2002, с. 55].

Примером рассмотрения северокавказского полигона как части мировой борьбы за установление исламского государства может выступать и раздел в арабской «Энциклопедии джихада», написанный одним из иностранных боевиков (Абу Бакр Акида), воевавших на Северном Кавказе, под названием «Тактические операции и их эффективность» на основе опыта участия в военных действиях в Афганистане и Чечне [Нечитайло, 2006, с. 10].

Члены «Джамаата» стояли во главе шариатской иерархии правосудия, заняв ключевые посты в сельских, городских и районных судах, после указа З. Яндарбиева 1996 г. об отмене в республике светских судов. Идеологом джихадизма в Чеченской Республике выступал в это время М. Удугов. Благодаря сообщениям в СМИ получили распространение идеи религиозных радикалов о необходимости создания исламской нации, кавказского халифата, установления исламского порядка, при этом Чеченская Республика выступала первой ступенью в исламизации всего мирового сообщества.

Проникновение иностранных наемников на территорию Чеченской Республики имело массовый характер в 1995 г. и в 1999 г., хотя их общая доля в сравнении с числом активно воюющих на стороне Ичкерии не превышала 10 %. Первыми прибыли представители Афганистана и Пакистана, затем появляются выходцы из Йемена, Судана. Н. Гродненский, опирающийся на данные ФСК РФ, указывает, что по состоянию на конец февраля 1995 г. в вооруженном конфликте принимали участие наемники из 14 государств [Гродненский, 2004, с. 121].

А. Масхадов, занимавший пост премьер-министра Ичкерии в 1996 г., заявлял, что «на нашей стороне воюют муджахеды из многих исламских государств, и они оказывают нам большую помощь» [Нечитайло, 2006, с. 8]. Финансирование вербовки и отправки наемников осуществляли Исламский фонд Двух Святынь («Аль-Харамейн») и Объединение мусульманской боснийской молодежи [Хлыстун, 1999].

Представители мирового исламизма признали чеченский конфликт священной войной. Чеченская Республика, наряду с Афганистаном, Боснией, Кашмиром, Филиппинами стала одним из очагов «вселенского джихада, который ведут мусульмане против неверных». Так, Шейх Юсуф аль-Кардауи, один из наиболее известных представителей мирового джихадистского движения, считал чеченское сопротивление российским войскам джихадом (джихад «фи сабили-Ллях») – джихад «на пути Аллаха»). В своей фетве он пишет, что «вооруженная борьба, которую ведут наши братья на чеченской земле – это одна из самых высших ступеней джихада, т. к. является защитой земель, чести, святынь, веры перед силой могущественных тиранов...».

В начале 2006 г. Абу Хафс аль-Урдани выступил с обращением к муджахидам Чечни. В нем говорится, что муджахиды в настоящее время получают достаточно помощи, их ряды пополняются молодыми людьми, желающими участвовать в джихаде.

Шейх Абу Умар ас-Сейф в 1996 г. отвечал за вопросы образования и решал юридические исламские вопросы в Чечне. В своем обращении на сайте qoqaz.com под названием «Рисаля лиль уляма' в туллаб аль-ильм ва ат-туджджар ва кафт аль-муслимин» («Послание к ученым, студентам, торговцам и всем мусульманам») он просит поддержать муджахедов Чечни, а исламских ученых-богословов вынести фетвы, признающие законным джихад в Чечне. «Муджахеды» Чечни направили аудио-обращение своим соратникам в Саудовскую Аравию, которое было записано ас-Сейфом.

В это же время в деятельности Бен Ладена одно из первых мест занимает идея «прорыва» движения исламского фундаментализма в южные регионы России, в связи с чем действия чеченских сепаратистов заслуживают его особого внимания. Пик интереса Бен Ладена к северокавказскому региону России пришелся на 1999 г., именно в это время он приступил к финансированию операции по проникновению боевиков из числа арабских и афганских моджахедов в составе дагестанских и чеченских бандформирований на территорию Дагестана.

Построение на территории Чечни независимого исламского государства должно было стать символом возможностей мировых джихадистских группировок. Отличительной характеристикой названных групп выступает постоянное взаимодействие для построения общемирового исламского общества. При этом пространство регионального конфликта выступает основным инструментом достижения этой цели.

По мнению М. Сейджмана, «глобальный джихад не является конкретной организацией, но выступает общественным движением, состоящим из ряда более или менее формализованных организаций, связанных определенными алгоритмами взаимодействия. При этом участники глобального джихада – не атомизированные индивиды, но акторы, связанные друг с другом через сложную паутину прямых или опосредованных обменов» [Сейджман, 2008, с. 145]. В 1998 г. был создан «Мировой фронт джихада», который объединил наиболее крупные экстремистские группировки «исламского мира». Он дал начало иерархической сетевой структуре глобального масштаба во главе с лидером «Аль-Каиды» Усамой бен Ладеном.

После 2000 г. происходит массовый отток иностранных эмиссаров с территории Северного Кавказа. В этот же период времени влиятельный член руководства «Аль-Каиды» Абу Мусаб аз-Заркауи призвал «муджахедов», находящихся в Чечне, отправиться в Ирак для борьбы с США. Айман аз-Завахири в книге «Рыцари под знаменем пророка» («Фурсан тахт райат arrasул») пишет, что чеченский конфликт мог стать стратегической точкой джихадийского движения. Но появляется новый фронт и необходимо перенаправить все имеющиеся силы на другое направление.

В 2007 г. Д. Умаров объявил себя «амиром» (главнокомандующим) боевиков Кавказа и предводителем Джихада. В своем видеообращении он заявляет о создании Кавказского эмирата, назвав Кавказ территорией войны, где проходит борьба за утверждение шариата и изгнание «неверных». Границы этого нового государственного образования достаточно обширны и выходят за пределы Кавказа. Кроме того Д. Умаров призвал своих сторонников вести войну не только против российского государства, но и против всех государств. Официальным информационным органом Имарата Кавказ выступал веб-сайт «Кавказ-центр», где в марте 2008 г. была обнародована «Концепция исламского государства». В мае 2009 г. был учрежден совещательный орган (Маджлис уль-Шура) в составе девяти эмиров, возглавляющих крупные группы (или «джамааты»). Утверждалось, что у этого образования есть также официальное представительство за рубежом (возглавляемое Ш. Батукаевым) и ячейки в странах Европы и Ближнего Востока. Начиная с 2012 г. велась достаточно активная полемика, правда только в пределах всемирной паутины, об утверждении государственного языка «Имарата Кавказ». Кавказский эмират поддерживал связи с Исламским движением Узбекистана и Союзом исламского джихада.

В апреле 2009 г. руководитель «Имарата Кавказ» выступил с лозунгом, по сути одобряющим террористические акты, которые приводят к гибели мирных жителей, не имеющих прямого отношения к боевым действиям против муджахидов.

Повсеместно получила распространение идея тотального Джихада, священной войны и гибели на пути Аллаха.

В течение десяти лет наиболее крупные террористические акции были связаны с деятельностью именно этой организации. В 2013–2014 гг. ИГИЛ² распространило на территории РФ призыв совершить хиджру (переселение мусульман на Ближний Восток для осуществления вооруженного джихада), который нашел немало сторонников. К июню 2015 г. большинство групп северокавказского подполья присягнуло на верность Исламскому государству, позже получив статус его новой «провинции» – «Вилаята Кавказ». К октябрю 2016 г. ни одной группы, относящей себя к «Имарату Кавказу», на Северном Кавказе не было зафиксировано. Северокавказский террористический полигон продолжает существовать, но уже как один из многих регионов на территории РФ, где распространило свое влияние ИГИЛ³.

Только с 90-х годов XX века Северный Кавказ стал полигоном распространения идей построения «исламского государства» в общемировом масштабе. Именно в это время региональный идеологический проект был постепенно заменен проектом глобальным, чему ни мало способствовали зарубежные идеологи и эмиссары, выступившие проводниками джихадистских идей. «Джихадизм», выступивший как ситуативный продукт, всегда имел глобальное измерение, поэтому и нашел распространение на многих территориях, в том числе и в России. Привлекательность такого проекта глобального переустройства мира весьма иллюзорна, но может легко быть объяснена стремлением к единому сообществу, в котором отсутствуют межэтнические и межгосударственные границы, принадлежность к которому удерживает значительное число людей в едином культурном и идеологическом пространстве. Это становится вариантом ответа на вызовы глобализации. К настоящему моменту основным полигоном деятельности джихадистских группировок выступает территория Сирии и Ирака, хотя их идеи продолжают находить своих сторонников по всему миру. А значит, выбор нового полигона вооруженной борьбы идет постоянно, и история событий на Северном Кавказе может вновь повториться.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Бобровников В. О. Ислам на постсоветском Северном Кавказе (Дагестан): миф и реальность // *Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри* / под ред. А. Малашенко и М. Б. Олкотт; Моск. Центр Карнеги. М.: Арт-Бизнес-Центр, 2001. С. 124–160.

---

² Организация признана экстремистской и запрещена в РФ.

³ Организация признана экстремистской и запрещена в РФ.

- Гродненский Н. Неоконченная война. История вооруженного конфликта в Чечне. Минск: Харвест, 2004. 137 с.
- Игнатенко А.А. Ислам и политика. М.: Ин-т религии и политики, 2004. 256 с.
- Кадырова К.А. Джихад в концепции Абдаллы Аззама // *Вестник РУДН, серия Всеобщая история*. 2015. № 2. С. 37–43.
- Малашенко А. Исламская альтернатива и исламистский проект. М.: Весь мир, 2006. 221 с.
- Нечитайло Д.А. След Аль-Каиды на Северном Кавказе // *Азия и Африка сегодня*. 2006. № 7. С. 7–12.
- Осмаев А.Д. Чеченская республика в 1999–2000 гг.: война и политика // *Новый исторический вестник*. 2009. №2 (20). URL: http://www.nivestnik.ru/2009_2/09.shtml (дата обращения: 18.09.2017).
- Петрухина А.А. Теория и практика исламизма // *Вестник РУДН, серия Политология*. 2011. № 2. С. 102–108.
- Саид-Афанди аль-Чиркави. Сокровищница благодатных знаний. М., 2003. 383 с.
- Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008. 219 с.
- Семедов С.А. Ислам в политике: идеология и практика. М.: Экон-Информ, 2009. 180 с.
- Сикоев Р.Р. Эволюция понятия исламский джихад: от пути совершенствования к пути войны // *Общественные науки и современность*. 2011. № 3. С. 112–118.
- Трошев Г. Моя война. (Чеченский дневник окопного генерала). М.: Вагриус, 2001. 201 с.
- Ханбабаев К.М. Суфизм и борьба горцев // *Кавказская война: спорные вопросы и новые подходы*. Махачкала, 1998. С. 55–58.
- Хлыстун В. Наемники // *Труд*. 19.11.1999.
- Ярлыкапов А.А. Ислам на Кавказе и его влияние на конфликтность в регионе и России // *Сравнительная политика*. 2013. № 3 (13). С. 133–152.
- Яшин И.Г. Дихотомия «Исламский мир-Запад» в учении Сейида Кутба (1906–1966) // *Вестник РУДН, серия Политология*. 2008. № 1. С. 83–90.
- Corbin J. *The Base: In Search Of Al Qaeda – The Terror Network That Shook The World*. London, 2002. 320 p.

REFERENCES

- Bobrovnikov V. Islam na postsovetском Severnom Kavkaze (Dagestan): mif i realnost [Islam in the Post-Soviet North Caucasus (Dagestan): myth and reality], in: *Islam na post-sovetском prostranstve: vzglyad isnutri / pod red. A. Malashenko i M.B. Olkott* [Islam in the Post-Soviet Space: inside view / Edited by A. Malashenko and M.B. Olkott]. Moscow: Mosc. Centr Karnegi Publ., 2001. P. 140–160 (in Russian).

- Grodnensky N. *Neokonchennaya voina: istoriya vooruzhennogo konflikta v Chechne* [Unfinished War: the History of the Armed Conflict in Chechnya]. Minsk: "Harvest" Publ., 2004. 137 p. (in Russian).
- Ignatenko A.A. *Islam i politika* [Islam and politics]. Moscow: Institute of Religion and Politics Publ., 2004. 256 p. (in Russian).
- Kadyrova K.A. Dzhikhad v kontseptsii Abdally Azzama [Jihad in the interpretation of Abdullah Azzam], in: *Vestnik RUDN, seriya Vseobshchaya istoriya* [RUDN [Peoples' Friendship University of Russia] University News, General History series]. 2015. № 2. P. 37–43 (in Russian).
- Malashenko A. *Islamskaya alternativa i islamsky proyekt* [The Islamic Alternative and the Islamist Project]. Moscow: Ves' Mir Publ., 2006. 221 p. (in Russian).
- Nechitaylo D.A. Sled Al Qaeda na Severnom Kavkaze [Al Qaeda trace in the North Caucasus], in: *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today]. 2006. № 7. P. 7–12 (in Russian).
- Osmaev A.D. Chechenskaya respublika v 1999–2000: voyna i politika [Chechen Republic in 1999–2000: War and Politics], in: *Novy istorichesky vestnik*. [A New Historical Herald/ Science and History Journal "Novy Istorichesky Vestnik"]. 2009. № 2(20). Available at: http://www.nivestnik.ru/2009_2/09.shtml (assessed: 18.09.2017) (in Russian).
- Petrukhina A.A. Teoriya i praktika islamizma [The Theory and Practice of Islamism], in: *Vestnik RUDN, seriya Politologiya* [RUDN (Peoples' Friendship University of Russia) University News, Political Science series]. 2011. № 2. P. 102–108 (in Russian).
- Said Afandi al-Chirkawi *Sokrovischnitsa blagodatnykh znaniy* [The treasury of godsend knowledge]. Moscow: "Ihlas" Publ., 2003. 383 p. (in Russian).
- Sageman M. *Setevye strukturi terrorizm* [Understanding Terror Networks]. Moscow: "Idea-Press" Publ., 2008. 219 p. (in Russian).
- Semedov S.A. *Islam v politike: ideologiya i praktika* [Political Islam: ideology and practice]. Moscow: "Ekon-Inform" Publ., 2009. 180 p. (in Russian).
- Sikoyev R.R. Evolutsiya ponyatiya islamsky dzihad: ot puti sovershenstvovaniya k puti voyny [Evolution of the Islamic Jihad concept: the way from the development to the war], in: *Obshestvennye nauki i sovremennost* ["Social Sciences and Contemporary World" Journal]. 2011. № 3. P. 112–118 (in Russian).
- Troshev G. *Moya Voyna (Chechensky dnevnik okopnogo generala)* [My War: Chechen Diary of a Trench General]. Moscow: "Vagirus" Publ., 2001. 201 p. (in Russian).
- Khanbabayev K.M. Sufizm i borba gortsev [Sufism and the struggle of the mountaineers], in: *Kavkazskaya voina: spornye voprosy i novye podhody* [The Caucasian War: Controversial Issues and New Approaches]. Makhachkala, 1998. P. 55–58 (in Russian).
- Khlystun V. Nayomniki [Mercenaries], in: *Trud* [Trud]. 19.11.1999 (in Russian).
- Yarlykapov A.A. Islam na Kavkaze i ego vliyaniye na konfliktnost v regione i Rossii [Islam in the Caucasus and its impact on conflict potential in the region and in Russia], in: *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics]. 2013. № 3 (13). P. 133–152 (in Russian).

Yashin I.G. Dikhotomiya "Islamsky mir-Zapad" v uchenii Seyida Kutba (1906–1966) [Dichotomy "Islamic World-West" in the doctrine of Seyyid Qutb (1906–1966)], in: *Vestnik RUDN, seriya Politologiya* [RUDN (Peoples' Friendship University of Russia) University News, Political Science series]. 2008. № 1. P. 83–90 (in Russian).

Corbin J. *The Base: In Search Of Al Qaeda – The Terror Network That Shook The World*. London, 2002. 320 p.